

Р. ДОНЦЕВ

ФОРПОСТ СВОБОДЫ

ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА

Мюнхен

1959

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Р. ДОНЦЕВ

ФОРПОСТ СВОБОДЫ

ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА

Мюнхен

1959

Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Zentralverband Politischer Emigranten aus der UdSSR (ZOPE)
München 2, Gaiglstrasse 25 — Deutschland

В настоящее время вопрос о судьбе Западного Берлина вызывает глубокую тревогу во всем мире. От того или иного решения этого вопроса может в конечном счете зависеть, быть ли миру или войне.

Действительно, Никита Хрущев прямо заявил, что в случае, если западные державы не пойдут навстречу советским требованиям, то он передаст права контроля над коммуникациями между Западной Германией и Берлином коммунистическому правительству советской зоны Германии, и если тогда западные державы, непризнающие это правительство, а поэтому и его «право» на такой контроль, попытаются пробить себе дорогу в Берлин силой, то Советский Союз выполнит взятые на себя по отношению к Восточной Германии обязательства, т. е. откроет военные действия против армий западных держав в Европе.

С другой стороны, если Соединенные Штаты, Великобритания и Франция пойдут на уступки и согласятся на советские требования, т. е. покинут Западный Берлин, то коммунистическое руководство с полным основанием расценит этот шаг как проявление слабости Запада и начнет предъявлять все новые требования, что в конце-концов заставит Запад оказать решительное сопротивление советскому давлению. Это также может повлечь за собой военные действия, поскольку после отступления западных союзников из Берлина, с одной стороны, никто не будет больше верить в их готовность сдерживать советскую агрессию, а с другой — Запад не будет в состоянии только отступать. После определенного периода уступок он рано или поздно достигнет рубежа, за который он уже не сможет отойти, не потерпев полной катастрофы. Нельзя забывать, что именно постоянные уступки западных держав привели ко Второй мировой войне: после Мюнхена, санкцио-

нировавшего захват Гитлером Австрии и части Чехословакии, Гитлер считал для себя совершенно безопасным захватить всю Чехословакию, — что ему действительно удалось, — и быть уверенным, что захват Польши сойдет ему с рук так же безнаказанно. Однако, Англия и Франция не могли идти на дальнейшие уступки, не капитулировав перед Гитлером, и были вынуждены объявить Германии войну. Опыт 1938-1939 годов наглядно показал, что поощрение агрессора и отказ от самого решительного политического сопротивления ему в самом начале его агрессивной политики неминуемо ведет к войне.

В современных условиях, когда танки, артиллерию и самолеты вытеснили ракеты с атомным и водородным зарядом и реактивные бомбардировщики дальнего действия, война грозит смертью для сотен миллионов людей, т. е. для каждого из нас. Следовательно, тот спор, который ведет в настоящее время руководство КПСС с западными правительствами, выходит далеко за пределы интересов профессиональных политиков и знатоков международного права. Он касается нас всех.

Вопрос о Западном Берлине можно рассматривать в двух плоскостях:

Во-первых, его можно рассматривать самим по себе, в отрыве от общего международного положения, т. е. с точки зрения законности, справедливости и целесообразности современного состояния берлинской проблемы, а также законности, справедливости и целесообразности предлагаемых изменений.

Во-вторых, его можно и должно рассматривать в свете общего международного положения и тех последствий, которые он, возможно, повлечет за собой в зависимости от того или иного решения.

Постараемся же разобраться в западно-берлинском вопросе последовательно с этих двух разных точек зрения.

I.

Начиная с лета 1945 года Западный Берлин был оккупирован американскими, английскими и французскими войсками, Восточный — советскими. После того, как в 1949 году окончилась блокада Западного Берлина, все, в ожидании окончательного разрешения германского вопроса, с таким положе-

нием мирились. О Западном Берлине, как о возможном источнике новой мировой войны, позабыли. Хрущев о нем не помнил.

Выступая 10 ноября 1958 года в Москве на митинге в честь Гомулки, Хрущев потребовал вывода американских, английских и французских войск из Западного Берлина.

27 ноября того же года министр иностранных дел СССР Громыко вручил послам США, Великобритании и Франции ноту советского правительства.

По существу, советское правительство или руководство КПСС предлагало:

- 1) вывести из Западного Берлина оккупационные войска США, Великобритании и Франции;
- 2) объявить Западный Берлин вольным городом;
- 3) передать в руки коммунистического правительства советской оккупационной зоны Германии, (так называемой Германской Демократической Республики — ГДР) весь контроль над путями сообщения Западного Берлина с Федеративной Республикой Германии (ФРГ).

Нота угрожала, что если в течение шести месяцев западные государства не достигнут соглашения по этому вопросу с руководством КПСС, то руководство КПСС односторонне передаст все свои права в Германии в руки «ГДР».

Чем же оправдывало руководство КПСС свои требования?

Во-первых, оно объявило, что положение Берлина, расколотого на две части, — восточную и западную, — ненормально.

Во-вторых, нота правительства СССР утверждала, что статут Западного Берлина определен Потсдамским соглашением. Поскольку это соглашение неоднократно было нарушено, то, следовательно, и статут Западного Берлина должен быть соответственно изменен.

На первый взгляд все как будто логично и справедливо. Но только на первый взгляд.

Положение Берлина, разделенного на Восточный и Западный, безусловно, ненормально. Но разве эта ненормальность не прямое следствие ненормального положения всей Германии, искусственно разделенной на две части — Западную и Восточную?

Допустим, что руководство КПСС искренне желает прекратить такое ненормальное положение и потому хочет начать с решения местного и ограниченного значения для того,

чтобы потом перейти к общему решению германского вопроса. В таком случае, почему оно не предлагает воссоединить расколотый город, превратив и Западный, и Восточный Берлин в нейтральный, т. е. неотносящийся ни к одной из частей Германии, вольный город?

Нет, руководство КПСС предлагает превратить в вольный город только Западный Берлин, Восточный же остается тем, что он есть, т. е. столицей «ГДР», а о нейтрализации столицы «ГДР» пока нет и речи.

Итак, если стать на точку зрения предложений Хрущева, то существующая ненормальность положения Германии станет еще большей. Вместо двух Германий, образуются три: Западная, Восточная и вольный город Западный Берлин. Лекарство, предлагаемое Хрущевым, оказывается хуже самой болезни.

Нет сомнения, что и Хрущев, и его сотрудники все это прекрасно понимают. Например, в советской ноте от 27 ноября есть такое место:

«Разумеется, самым правильным и естественным решением вопроса было бы такое, при котором западная часть Берлина, ныне фактически оторванная от ГДР, воссоединилась бы с восточной частью, и Берлин стал бы единым городом (то, о чем мы писали. Прим. автора) в составе того государства, на земле которого он находится» (т. е. «ГДР» прим. автора).

Каждое разумное правительство стремится к такому разрешению вопроса, которое оно считает «самым правильным и естественным». Следовательно, по замыслам руководства КПСС, превращение Западного Берлина в вольный город только первый шаг на пути окончательного включения Западного Берлина в состав «ГДР». Правительство же «ГДР» (кто в этом сомневается и кто этого не знает?) во всем подчиняется директивам ЦК КПСС или его представителей.

Следовательно, если вещи называть своими именами, а не играть в прятки, то речь идет о постепенной аннексии Западного Берлина правительством «ГДР». Кое-кому такая прыгть и стяжательство Хрущева могут и понравиться. Дело вкуса.

Но следует подумать и о другом. Может ли политика, направленная к аннексии чужих территорий, политика, построенная на принципе «отдай мне, а сам убирайся», содействовать делу укрепления мира? Очевидно, что такая политика

не только не содействует укреплению мира, а напротив, способна только обострить международное положение.

Вернемся теперь к той части советской ноты, которая пытается доказать, что оккупационный статус Берлина определен Потсдамским соглашением, а так как Потсдамское соглашение нарушено, то и оккупационный статус Берлина — недействителен.

Оставим пока в стороне вопрос, кто виновен в нарушении Потсдамского соглашения. К этому мы еще вернемся. Дело в том, что утверждения, содержащиеся в советской ноте от 27 ноября, грубо противоречат общеизвестным историческим фактам.

Оккупационный статус Берлина определен не Потсдамским соглашением, а целым рядом других международных актов.

Когда осенью 1943 года начались межсоюзные переговоры относительно определения после победы границ оккупационных зон в Германии, то СССР, США и Великобритания пришли с самого начала к соглашению, что район Берлина будет занят совместно главными державами-победительницами. Это соглашение было зафиксировано 12 сентября 1944 года так называемым Лондонским Протоколом.

В феврале 1945 года на Ялтинской конференции Рузвельт, Черчилль и Сталин подписали протокол, подтверждавший ранее принятые решения и дополнительно допускаявший Францию в число государств, получающих оккупационные права в Германии.

Как известно, честь взятия Берлина принадлежит советским войскам, находившимся под командованием маршала Жукова.

Но не следует забывать и того, что армии западных союзников, бывших под командованием генерала Айзенхауэра, дойдя до Эльбы, остановились и не продолжали наступления. Эта остановка была вызвана уважением к уже достигнутому соглашению относительно рубежей, до которых должны дойти армии союзников. Гитлеровские генералы к тому времени больше не сомневались в том, что война ими проиграна и настойчиво предлагали западным союзникам занять возможно большую часть германской территории в то время, как германские войска будут держать из последних сил Восточный фронт. Об этом, например, пишет в своих мемуарах подписавший капитуляцию Германии адмирал Дениц (текст,

приведенный ниже, опубликован в «Сендей таймс» от 11 января 1959 года):

«Эйзенхауэр упорствовал в достижении чисто военной цели — разгрома и оккупации Германии в сотрудничестве с русскими. Он остановил наступление на Эльбе и позволил русским взять Берлин... Я тогда считал, что американцы делают ошибку и продолжаю считать до сих пор».

Таковы были подлинные причины, позволившие встретиться советским и союзным войскам на Эльбе, а советским войскам войти первыми в Берлин.

Но вернемся к берлинскому вопросу:

Принятые решения были еще раз подтверждены 5 июня 1945 года, когда четверо главнокомандующих союзных держав — маршал Жуков (СССР), генерал Эйзенхауэр (США), фельдмаршал Монтгомери (Великобритания) и генерал де Тассиньи (Франция) подписали соглашение о создании Контрольного Совета, параграф второй которого гласил:

«Зона Большого Берлина будет оккупирована войсками каждой из четырех держав. Для совместного управления Берлином будет создана Межсоюзная комендатура, состоящая из комендантов, назначенных соответствующими главнокомандующими».

Окончательное определение границ оккупированных секторов Большого Берлина было выработано летом 1945 года созданной четырьмя державами Межсоюзной комендатурой. 1 июля 1945 года американские войска ушли из Тюрингии и Саксен-Ангальта, занятых ими во время войны, и передали эти провинции советскому командованию, согласно достигнутого на Ялтинской конференции соглашения об оккупационных зонах в Германии.

Следовательно, если Хрущев считает все перечисленные соглашения недействительными и требует ухода своих бывших союзников из Берлина, то почему бы ему не вернуть Тюрингию и Саксен-Ангальт этим самым союзникам?

Потсдамское совещание, о котором так много речи в советской ноте, происходило с 17 июля по 2 августа 1945 года. Следовательно оккупационный статус Берлина был не только решен, но и стал уже политической реальностью еще до начала этого совещания.

Протокол Потсдамского совещания не содержит никаких специальных постановлений, касающихся Берлина. Остает-

ся только удивляться, почему советская дипломатия требует изменения оккупационного статута Берлина, ссылаясь на Потсдамское соглашение, не имеющее никакого отношения к берлинскому вопросу. Ясно одно: юридические и исторические ссылки руководства КПСС не больше как неудачно замаскированные предлоги для достижения каких-то особых целей. Что это за цели, — об этом разговор будет ниже.

II.

О чем же говорилось в Потсдамском соглашении?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно взглянуть в Большую Советскую Энциклопедию. Там сказано, что в Потсдаме была достигнута договоренность о создании **единой**, демократической и демилитаризованной Германии и о подписании мирного договора с ее новым правительством, созданным на основании результатов всенародных **свободных** выборов и тем самым наделенным всей полнотой законной власти.

До подписания мирного договора с этим новым, свободно избранным немцами правительством, всей Германией должен был управлять Контрольный Совет, составленный из представителей четырех держав.

Что таково было официальное отношение всех четырех главных союзников к германскому вопросу и что они не выделяли никакого особого «берлинского вопроса», видно хотя бы из того, что Берлин был административно включен в состав земли Бранденбург. Западная и восточная часть Берлина имели общий городской совет, общее управление средствами сообщения, каналами, и коммунальными предприятиями, а подземная и надземная железная городская дорога и до сего дня обслуживает обе части города.

Потсдамское соглашение не только не раскололо Берлина на две части (окончательно разделенного на четыре сектора, как мы уже видели, соглашением от 5 апреля 1945 года), а, наоборот, рассматривало всю Германию, в том числе и Берлин, как единое целое.

Кто же в таком случае виноват в нарушении Потсдамского соглашения и в расколе Берлина и Германии на две части?

Вначале советское правительство не протестовало против единой и демократической Германии, так же, как оно не про-

тествовало и против того, чтобы германский народ свободным голосованием определил свое будущее.

«Конечно, если германский народ в результате плебесцита во всей Германии выскажется за превращение Германии в федеральное государство... то с нашей стороны, разумеется, не могут иметь места какие либо возражения» (В. М. Молотов «Вопросы внешней политики», стр. 62 ОГИЗ 1948 г.)

Правда, в настоящее время Молотов «антипартийная» личность. Но такого демократического подхода к германскому вопросу в прошлом не отрицает и Хрущев. В советской ноте от 27 ноября 1958 года сказано:

«Участники Потсдамской конференции... обязались разрешать и поощрять все демократические и политические партии Германии».

На практике же в советской зоне оккупации Германии были распущены все партии, кроме тех которые пошли на сотрудничество с коммунистами и подчинились полному контролю со стороны компартии и ее органов безопасности.

На первых и пока что последних свободных выборах, состоявшихся 20 октября 1946 г., в которых принял участие весь Берлин, коммунисты получили всего 19,8% голосов, т. е. немного меньше одной пятой.

Избранный на этих выборах Магистрат города Берлина (горсовет) заседал в советском секторе города, в Ратуше на Парохиальштрассе. 6 сентября 1948 г. отряды немецких коммунистов при поддержке советских войск вторглись в зал заседаний Магистрата и разогнали народных избранников (повторив в миниатюре то, что было проделано с Всероссийским Учредительным собранием в 1918 году. Так понимали демократию Ленин и Сталин; после Венгрии нет никаких сомнений, что так ее понимает и Хрущев).

Тем временем по всей Восточной Германии происходили массовые аресты и депортации. Арестовывали не только гитлеровцев и военных преступников, но и всех тех, кто был опасен или мог стать опасным для коммунистического режима. Судя по ноте от 27 ноября 1958 года, Президиум ЦК КПСС и по сей день считает, что действия органов госбезопасности, руководимых в то время Берия и Абакумовым, совершенно соответствовали духу Потсдамского соглашения.

Далее в советской ноте от 27. 11. 58 совершенно справедливо говорится:

«Потсдамское соглашение содержало важное положение о том, что и в период оккупации Германия должна была рассматриваться как единое экономическое целое».

Между тем, советские оккупационные власти начали с первых же дней постепенно изменять структуру экономики Восточной Германии согласно коммунистическому образцу, хорошо известному советским гражданам из собственного сорокалетнего опыта (национализация сперва крупных, потом средних и, наконец, даже мелких предприятий, проведение аграрной реформы, переходящей в раскулачивание и в коллективизацию и т. д.). И дело в данном случае не в том, отвергает или приветствует то или иное политическое руководство коммунистическую систему экономики. Дело в том, что как с некоммунистической, так даже и с коммунистической точки зрения, Потсдамское соглашение в сфере экономической было нарушено, прежде всего, самим коммунистическим руководством в результате насильственного изменения структуры немецкого хозяйства.

Сказанного достаточно, чтобы сделать три вывода:

а) оккупационный статут Берлина определен не Потсдамским соглашением, а рядом других международных соглашений;

б) почин нарушения буквы и духа Потсдамского соглашения принадлежит коммунистическому руководству;

в) уничтожая демократию в Восточной Германии, насильно насаждая в ней коммунистические порядки и своих ставленников (как бы они себя ни называли), коммунистическое руководство тем самым вызывало раскол Германии.

Важной исторической вехой на пути закрепления раскола Германии была советская блокада Берлина в 1948—1949 годах. Блокада преследовала цель — окончательно вытеснить западные державы из города, находящегося в центре Восточной Германии. Средством для достижения этой цели была попытка ликвидации коммуникаций Западного Берлина с Западом.

Последовательность событий такова:

30. 11. 45 г. Союзный Контрольный Совет, при участии и с согласия советского представителя, установил три воздушных коридора между Берлином и западными зонами, по которым могли летать самолеты западных союзников без предварительного предупреждения. Для контроля над воздуш-

ными корридорами в Западном Берлине была создана дирекция обеспечения безопасности воздушного сообщения четырех держав. (Советский представитель участвует в работах дирекции до сего дня).

20 марта 1948 года советские представители покинули заседание Союзного Контрольного Совета в Берлине, а 16 июня 1948 года — Союзную Комендатуру города.

31 марта 1948 года советские войска остановили поезда союзников, проходящие через советскую зону в Западный Берлин.

23 июня 1948 года советское командование останавливает — «по техническим причинам» въезд и выезд людей и ввоз и вывоз товаров из Берлина и в Берлин на шоссеиных и железных дорогах, соединяющих город с Западной Германией.

24 июля 1948 года советское командование прекратило подачу электричества из советской зоны оккупации Германии и Восточного Берлина в Западный Берлин. К 4-му августа того же года Западный Берлин оказался в кольце полной блокады. Но уже 25 июня 1948 года западные союзники организовали воздушный мост, который действовал более одиннадцати месяцев и бесперебойно снабжал всем необходимым более двух миллионов жителей Западного Берлина, а промышленность города сырьем и горючим.

4 мая 1949 года, после долгих переговоров, глава советской делегации в ООН Малик и представитель США Джессип подписали соглашение, согласно которому советские вооруженные силы прекратили 5 мая блокаду Берлина.

Таким образом, еще одно международное соглашение в ожидании окончательного урегулирования германского вопроса подтвердило право западных союзников оставаться в оккупированной ими части Берлина.

Наконец, когда 26. 1. 55 г. Верховный Совет СССР заявил об окончании состояния войны между СССР и Германией, то он одновременно указал, что это решение никоим образом не нарушает обязательств Советского Союза, вытекающих из ранее заключенных международных соглашений.

Так, уже после смерти Сталина, руководство КПСС признало вполне законным положение, существующее в Западном Берлине, изменения которого оно теперь настойчиво требует.

От этого краткого исторического обзора, необходимого для

понимания современного положения Германии и Берлина, перейдем к некоторым другим утверждениям советской ноты от 27 ноября.

Нота утверждает, что западные государства и Западная Германия виновны в возрождении германского милитаризма и тем самым нарушили соглашение, достигнутое в Потсдаме. Посмотрим, что говорят факты.

Еще в августе 1946 года советское командование зоны оккупации Германии централизовало управление полицией в Восточной Германии, находившейся до этого в подчинении провинциальных властей (как это по сегодняшний день имеет место в Федеративной Республике Германия) и тем самым нарушило соответствующие соглашения между четырьмя союзниками. Приблизительно в то же время Советская Военная Администрация в Германии начала разрабатывать планы создания немецких коммунистических вооруженных сил. Первым шагом на пути ремилитаризации Германии было создание 1 декабря 1946 года централизованной пограничной охраны советской зоны, насчитывавшей к середине 1948 года свыше 9 000 человек. В Западной Германии тогда ничего подобного не было.

В 1947 году и в начале 1948 года группы особенно доверенных молодых коммунистов, в прошлом офицеры и унтер-офицеры гитлеровской армии, были отправлены в Советский Союз, где проходили в районе г. Куйбышева многомесячное обучение. (Чтобы сохранить их пребывание в СССР в тайне, они были одеты в форму курсантов советских военных училищ). Весной 1948 года, еще до раскола Контрольного Совета, Советская Военная Администрация начала создавать военизированные полицейские силы, стыдливо называя их «полицией для особых поручений» («Берайтшафтсполицай»). В 1952 году эта «Берайтшафтсполицай» была переименована в «Казернированную народную полицию». К концу 1953 года, т. е. более чем за год до того, как Западная Германия приступила к формированию первых, чисто учебных соединений, советская зона Германии, так называемая «Германская Демократическая Республика», располагала уже армией, состоящей из двух армейских корпусов, по две стрелковых и одной мото-механизированной дивизии каждый. Численность наземных войск «ГДР» достигла к этому времени приблизительно 100 тысяч человек. К этому надо прибавить 9 000 человек военно воз-

душных сил (с 300 самолетами) и 9 000 человек военно-морских сил. Восточная Германия располагала кроме того военными училищами, сухопутными и морскими, учебными соединениями и т. д. Ничего даже относительно подобного в Западной Германии тогда не было.

К 118 тысячам, замаскированной названием «Казернированная народная полиция», армии советской зоны необходимо, однако, прибавить достигшую к этому времени 17 000 человек погранохрану, 8 000 человек транспортной (железно-дорожной) полиции и 6 000 человек войск Министерства госбезопасности. В общей сложности в 1953 году в «ГДР» находилось под ружьем 149 тысяч человек, не считая полиции, которая к этому времени насчитывала около 80 тысяч человек. 230 тысяч солдат и полицейских при 17 миллионах человек населения!

В то же время, т. е. к концу 1953 года, Федеративная Республика Германия с населением в 50 миллионов человек располагала 20 тысячами человек погранохраны и 10 тысячами «Берайтшафтсполицай», находившейся к тому же не в распоряжении центрального правительства, а в ведении правительств отдельных провинций. В их же распоряжении находилась и местная полиция, насчитывавшая по ФРГ не больше 100 тысяч человек.

В настоящее время соотношение вооруженных сил Восточной и Западной Германии следующее:

Западная Германия (ФРГ)	Восточная Германия («ГДР»)
7 не полностью укомплектованных дивизий численностью около 70 тыс. человек. (Кроме того военно-воздушные силы — около 14 000 человек, военно-морской флот — 9 000 человек и учебные, штабные и снабженческие, т. н. «территориальные», соединения общей численностью в 6 500 человек).	7 полностью укомплектованных дивизий (в том числе — 2 танковых дивизии) численностью в 90 тыс. человек, военно-воздушные силы — 11 000 человек и военно-морской флот — 10 000 человек. Кроме того — караульный полк, 5 полков, непосредственно подчиненных главному командованию, и персонал военных школ и учебных соединений общей численностью в 20 000 человек.

Таким образом у ФРГ не больше 98 тысяч человек под ружьем, а у коммунистического правительства советской зоны Германии («ГДР») — 130 тысяч, не считая погранполиции и казеннированных полицейских частей. Эта картина будет, однако, неполной, если не упомянуть, что в советской зоне Германии созданы хорошо вооруженные и обученные группы гражданского населения, так называемые «боевые группы», насчитывающие 300 тысяч человек, из которых половина, т. е. 150 тысяч человек, в любой момент может быть употреблена для ведения военных действий.

Не менее характерно соотношение сил «лагеря мира и социализма», руководимого ЦК КПСС, и «агрессивного Запада» в Германии.

Советское руководство располагает здесь 22 дивизиями, из которых добрая часть — танковые дивизии. Общая численность советских войск в Германии колеблется от 380 до 425 тысяч человек. К этому следует прибавить вооруженные силы Польши и Чехословакии (450 тысяч и 210 тысяч человек) и уже упомянутые вооруженные силы «ГДР».

Соединенные Штаты Америки располагают в Германии вооруженными силами, входящими в 7-ую армию, общей численностью в 150 тысяч человек (две пехотных и две бронетанковых дивизии и три мотомеханизированных полка). К этому надо добавить четыре английских дивизии, общей численностью в 48 тысяч человек, две неполных французских дивизии, две бельгийских дивизии, один полк канадцев и один полк люксембургцев. Итого в общей сложности около 14 дивизий с общим численным составом не превосходящим 250 тысяч человек.

Этим силам «агрессивного» Запада Советский Союз, не считая сателлитов, противопоставляет, как мы видим, более чем в полтора раза сильную армию. Не ясно ли после этого, кто здесь возможный агрессор? Не ясно ли, что Запад держит в Германии войска для обороны, а не для наступления?

Спрашивается, кто же стал первым возрождать германский милитаризм? Хрущев объясняет, что Гротеволь и Ульбрихт — голуби мира, а Аденауэр — реваншист и империалист.

Но как-то неубедительно, что у реваншиста Аденауэра, управляющего 52 миллионами населения, войска меньше, чем у «голубков мира», у которых всего 17 миллионов подданных. (Напомним, кстати, что в конце 1939 года и в течение всего

1940 года «Правда» и «Известия» твердили, что французы и англичане — агрессоры, а Гитлер — невинная овечка. Не верите? Посмотрите подшивки центральных газет за эти годы, а если их просматривать не дадут, то спросите тех, кто читал и помнит).

Затем разбираемая нами нота от 27 ноября утверждает, что существование Западного Берлина в его настоящем облике недопустимо, так как он стал центром шпионажа. Но и в этом случае коммунистическое руководство явно валит с большой головы на здоровую: недавно бежавший на Запад руководитель одного из отделов Министерства госбезопасности «ГДР», Эрих Домбровский заявил, что только его министерство заслало в Западный Берлин и Западную Германию более 60 тысяч шпионов. Кроме того шпионов засылает коммунистическая партия и советские органы разведки и шпионажа.

Не менее странно возмущение руководства КПСС тем, что в Западном Берлине разрешена деятельность всех партий. (В том числе и коммунистической). Вечно кричащему о свободе и демократии руководству КПСС, видимо, хотелось бы, чтобы западные демократии запретили в Западном Берлина любую пропаганду, кроме коммунистической.

Вообще, вся аргументация советской ноты от 27 ноября 1958 года построена на искусственном, неверном и не очень умело сфальсифицированном материале. Слишком уж противоречат приводимые советской нотой доводы хорошо всем известным фактам. А сомневаться в прекрасной осведомленности Хрущева и экспертов по германскому вопросу МИДа не приходится.

Требования коммунистического руководства относительно Западного Берлина вызваны, конечно, не соображениями права и справедливости, не заботой о мире во всем мире, а вполне практическими соображениями. В чем же они состоят?

За исключением трех воздушных коридоров, контроль над коммуникациями Западного Берлина с внешним миром уже давно находится в коммунистических руках. Правительство «ГДР» контролирует наземное гражданское и торговое сообщение с Западным Берлином. Даже члены правительства ФРГ при проезде поездом или автомобилем в Западный Берлин контролируются представителями «ГДР»!

Американские, английские и французские военные или ди-

пломаты при проезде поездом или автомобилем в Западный Берлин проходят контроль, осуществляемый представителями Советской Армии. Следовательно, жаловаться на умаление своих прав представители коммунистического мира не могут.

Но Берлин в известной степени представляет собой последний клочек единой Германии, уцелевший после раскола. Берлин до сих пор символизирует единство страны и обязательство, взятое на себя в конце войны четырьмя великими державами сохранить это единство.

Жители двух Берлинов свободно общаются. Частные автомобили, правда, останавливаются на границе советского сектора, но подвергаются только поверхностному таможенному осмотру. Любой немец может, однако, сесть в подземную (У-бан) или надземную (Эс-бан) железную дорогу или пешком пересечь границу между Восточным и Западным Берлином, чтобы без всякой помехи очутиться, по своему желанию, в коммунистическом или свободном мире.

Благодаря такой свободе сообщения между Восточным и Западным Берлином, последний является той естественной дверью, через которую направляется поток беженцев из Восточной Германии на Запад. Через Берлин бежало уже более двух миллионов немцев. Ежедневно в Западный Берлин приходит не менее шестисот беженцев. Если вначале среди беженцев встречались представители всех групп населения Восточной Германии, то за последние месяцы процент интеллигенции в их составе значительно увеличился. Бегут преподаватели высших и средних учебных заведений, инженеры, врачи, опытные техники, квалифицированные рабочие и даже представители партийной интеллигенции. Из Берлина на Запад беженцы вывозятся самолетами.

Исход на Запад принял такие размеры, что он ставит под серьезную угрозу экономику советской зоны оккупации Германии. Вот почему Ульбрихту и Гротеволю и их хозяину Хрущеву так важно запереть двери Западного Берлина.

Наряду с указанной причиной существуют и другие. В жизни Западного и Восточного Берлина как в зеркале отражается жизнь свободного и коммунистического миров. Заработная плата, одежда граждан, витрины магазинов, жилищное строительство, политическая и бытовая свобода говорят очень красноречиво и говорят не в пользу коммунизма. Советские

граждане и военнослужащие, побывав в Германии, все это могут подтвердить. Как тут удержаться от желания избавиться от такого бельма на глазу, от такого вещественного доказательства несостоятельности и антинародности коммунистической системы?

Помимо всего этого, существует еще одна далеко идущая международная цель, заставляющая Хрущева требовать ухода западных союзников из Берлина.

Следуя своей излюбленной тактике называть белое черным, коммунистическая пропаганда иначе не именует Северо-Атлантический Оборонительный Союз — НАТО, как «агрессивным». Сталин знал, и Хрущев знает, что НАТО — союз чисто оборонительный. За десять лет своего существования НАТО ни разу ни на кого не напал. Если бы НАТО был агрессивным военным союзом, то он развязал бы агрессию тогда, когда у него было сперва атомное, а потом водородное оружие, а у СССР ни того, ни другого еще не было. НАТО неугоден руководству КПСС совсем по другим причинам. Он не позволил Сталину и не позволяет Хрущеву проделать с Западной Европой то, что было проделано с Восточной: НАТО преграждает путь коммунистической агрессии, лишает ее возможности советизировать свободную часть Европы. Поэтому распад НАТО, или хотя бы его ослабление, ЦК КПСС крайне желателен и выгоден.

Если США, Великобритания и Франция подчинятся требованиям Хрущева в Берлинском вопросе и уйдут из города, то они тем самым подорвут к себе доверие не только немцев, но и всех своих союзников. Они поставят под вопрос готовность США защищать любыми средствами и ценой любых жертв Западную Европу от коммунистической агрессии.

Не надо также забывать, что присутствие держав Запада в Берлине имеет огромное значение для всех народов Восточной Европы, а не только для немцев. Выше было уже сказано, что особое положение Берлина как бы символизирует единство Германии и обязательство четырех великих держав видеть в Германии единое целое. После того, как советское руководство и его ставленники, немецкие коммунисты, раскололи Германию на две части, Берлин стал вещественным напоминанием этого взятого на себя и советским правительством обязательства, молчаливым, но зато весьма конкретным выражением требования всех немцев восстановить единство их

родины. Уход западных держав из Берлина означал бы поэтому отказ Запада от требования воссоединить Германию, освободил бы советское правительство от взятых им на себя по отношению к Германии обязательств.

В переносном смысле Западный Берлин играет ту же роль для всех восточно-европейских народов, насильственно советизированных после 1945 года. Западные державы до сегодняшнего дня не признают этого одностороннего акта коммунистического руководства, идущего вразрез со всеми договорами между союзниками в военное время и в первые послевоенные годы. Запад никогда не соглашался делить Европу на две части и присутствие войск западных держав в Берлине является вещественным тому доказательством. Если бы США, Англия и Франция действительно согласились на политический раздел Европы, то присутствие их войск восточнее границы раздела было бы явной ненормальностью. Но в том-то и дело, что Запад настойчиво требует свободы для всех восточно-европейских народов. В Западном Берлине он наглядно продемонстрировал, как стала бы развиваться жизнь в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, если бы коммунистическое руководство выполнило взятые на себя обязательства. Запад показал здесь, как он выполняет свои моральные обязательства по отношению к народам Центральной и Восточной Европы. Для этих народов присутствие западных держав в Берлине является вещественным доказательством, крепким залогом тому, что Запад попрежнему стремится к возвращению им утерянной свободы, как только этого можно будет достигнуть мирным путем.

Поэтому Хрущев всеми средствами пытается вытеснить США, Англию и Францию из Западного Берлина, требует, чтобы они отказались от своих позиций и признали бы советизацию Восточной Европы. В своей речи 17 февраля 1959 года в Туле Хрущев прямо заявил, что «холодная война» будет кончена только тогда, когда Запад признает советский захват Восточной Европы и примирится с «реальностью» создавшегося в Европе после окончания войны положения.

Вот эти перечисленные причины, а не право, справедливость и мир, заставляют Хрущева стремиться к захвату Западного Берлина и рисковать ради этого даже опасностью новой войны.

III.

Легко представить себе следующее вполне законное возражение: могут сказать — «допустим, все сказанное отвечает действительности. Но как же быть с Берлином? Ведь вы сами признали, что его положение ненормально. Навсегда помириться что ли с этой ненормальностью?» Конечно, нет.

Раскол Берлина только часть еще большей ненормальности — раскола всей Германии. Что же стоит на пути воссоединения Германии?

Все та же диаметрально-противоположная точка зрения демократии и коммунизма на будущность Германии, а поэтому и на то, как должно происходить ее объединение. Западные союзники настаивают на воссоединении Германии путем мирного договора, заключенного с германским правительством, избранным всенародным и свободным голосованием.

Руководство КПСС настаивает на заключении мирного договора с Германией, представленной либо обоими возникшими на ее территории государствами, либо созданным в результате переговоров между правительствами ФРГ и «ГДР» общегерманским органом. На свободные всенародные выборы ЦК КПСС не давал и не дает согласия.

Размеры настоящей брошюры не позволяют сделать полного обзора всех переговоров по поводу заключения мирного договора с Германией. Но это не беда, ибо с небольшими отклонениями точки зрения спорящих сторон оставались теми же.

Напомним три последних этапа переговоров:

- Совещание министров иностранных дел в январе-феврале 1954 г. окончившееся провалом, потому что Молотов не дал согласия на свободные выборы. (Молотов хотя и заявил, что свободные общегерманские выборы необходимы для обеспечения прочного объединения обеих Германий на демократических и миролюбивых началах, но сразу же поспешил добавить, что советское правительство не дает согласия на международный контроль для обеспечения свободы выборов. А как проходят «свободные» выборы в странах коммунизма без демократического контроля — хорошо известно!).

- Летом 1955 года Женевское совещание глав правительств принципиально решило заключить мирный договор с Германией и положить конец ее расколу. Конкретное решение во-

проса было поручено совещанию министров иностранных дел.

● Осенью того же года, на совещании министров иностранных дел Молотов под различными предложениями снова не дал согласия на свободные общегерманские выборы и сорвал совещание.

Хрущев изгнал Молотова из ЦК партии и объявил его «антипартийным элементом». Но в германском вопросе он следует по дорожке, протоптанной Сталиным и Молотовым. Как и они, Хрущев не дает согласия на свободные выборы и требует от Запада безоговорочного признания «ГДР». Западные правительства, однако, считают правительство «ГДР» марионеточным и антинародным и в этом несомненно правы. В пользу западной точки зрения говорит следующее:

1) Если бы правительство «ГДР» было действительно народным, то Хрущев, Гротеволь и Ульбрихт охотно согласились бы на свободные выборы.

2) В «ГДР» свободных выборов никогда не было. В «ГДР», как и в СССР, проявление оппозиционных настроений наказуемо в уголовном порядке.

3) Восстание в июне 1953 года показало, что население «ГДР» ненавидит свое правительство и что последнее держится у власти только благодаря присутствию советских войск и террору.

4) Миллионы беженцев из «ГДР» продолжают наглядно доказывать, как относится местное население к существующему у него режиму.

5) В декабре 1958 года в Западном Берлине происходили выборы в органы городского самоуправления. Несмотря на то, что коммунистическая партия, разрешенная в Западном Берлине, наводнила Западный Берлин толпами агитаторов, горами политической литературы, листовками и плакатами, коммунисты не смогли собрать на выборах и двух процентов голосов. Население Западного Берлина как нельзя более ясно показало свое отношение и к коммунизму, и к предложениям Хрущева.

По этим причинам западные демократии всегда отказывались и отказываются признать правительство «ГДР». Теперь делается совершенно понятной та часть ноты советского правительства от 27 ноября 1958 года, в которой советское правительство угрожает передать в руки правительства «ГДР» весь контроль над сообщением расположенных в Западном

Берлине войск западных держав с ФРГ: таким образом, США, Великобритании и Франции придется фактически вступить в дипломатические отношения с «ГДР» и тем самым, если не де-юре, то де-факто признать ее правительство.

14 декабря 1958 года министры иностранных дел США, Великобритании, Франции и Федеративной Республики Германия единогласно приняли решение считать совершенно неприемлемым намерение советского правительства односторонне нарушить существующие международные соглашения.

16-18 декабря 1958 г. на совещании представителей 15 государств членов НАТО также было единогласно принято решение о недопустимости изменения статута Берлина односторонним решением советского правительства.

31 декабря 1958 г. правительства США, Англии, Франции и ФРГ направили советскому правительству ноты, в которых, не отрицая ненормальности положения Западного Берлина, предлагали ликвидировать эту ненормальность путем заключения общегерманского мирного договора и прекращения раскола Германии.

10 января 1959 года советское правительство опубликовало проект мирного договора с Германией. Как всегда, проект отвергал общегерманские свободные выборы и настаивал на непосредственных переговорах между ФРГ и ГДР. Однако в нотах, сопровождавших проект и адресованных западным правительствам, советское правительство подчеркивало, что оно не считает текст проекта окончательным и выражало готовность рассмотреть любые конструктивные предложения.

Поэтому 16 февраля правительства США, Англии, Франции и ФРГ предложили созвать конференцию министров иностранных дел, которая рассмотрит «германскую проблему во всех ее аспектах и последствиях». Идя навстречу настояниям советского правительства, западные правительства выразили согласие на участие в предлагаемой конференции представителей ФРГ и ГДР в качестве неучаствующих в непосредственных переговорах информаторов.

Нота правительства СССР правительству США от 2 марта 1959 г., не отвергая предварительной конференции министров иностранных дел, отдает предпочтение встрече на «высшем уровне», т. е. встрече глав правительств. Очевидно, Хрущеву для укрепления внутреннего положения необходимы личные

успехи на международной арене. Сумеет ли он их добиться — вопрос другой.

В то же время в ноте от 2 марта 1959 г. мы снова встречаем все те же абсурдные утверждения: «ГДР» — голубь мира, тогда как ФРГ готовится к агрессии. Одним словом — ничего нового! Однако, два места ноты следует отметить.

Первое: «Мирный договор... может быть заключен с обоими германскими государствами, поскольку... только они могут выступать от имени Германии... а мирный договор должен зафиксировать существующее положение».

Как это понять? Зафиксировать раскол Германии и Берлина? Но этот раскол уже существует. К чему же тогда переговоры?

Второе: «Как... расценивать раздающиеся на Западе угрозы применить танки и авиацию для прорыва в Берлин после того, как ГДР станет полным хозяином на коммуникациях между Западным Берлином и ФРГ... Каждый, кто решится на это, должен взять... ответственность за развязывание войны».

Не ясно ли, что если «ГДР» будет уважать существующие международные соглашения в отношении Западного Берлина, то никто к оружию прибегать не будет. Если же «ГДР» первой применит силу и, закрыв подступы к Западному Берлину, нарушит эти соглашения, то на кого падет тогда ответственность «за развязывание новой войны»?

В течение последующих недель, несмотря на прессконференции и оживленный обмен нотами, Германский вопрос продолжал оставаться в тупике.

Однако, по второстепенным вопросам обе стороны проявили некоторую уступчивость. Западные державы дали принципиальное согласие встретиться на «высшем уровне», не ставя тому непременным условием успешное окончание предварительных переговоров министров иностранных дел. Встреча министров иностранных дел состоится в Женеве, 11-го мая.

Уступчивость, проявленная западными державами, в основном вызвана двумя соображениями. Во-первых, они не хотят упускать ни одной возможности, как бы мала она не была, чтобы мирно разрешить тот большой международный кризис, что вызвал своей политикой Хрущев. Во-вторых, по мнению многих западных экспертов международной политики, Хрущев добивается уже второй год встречи на «высшем уровне»,

считая, что международный успех упрочит его внутривластное положение. Хотя такое упрочение внутривластного положения Хрущева и не входит в интересы Запада, в политических кругах считают, что лучше удовлетворить стремление Хрущева к конференции на «высшем уровне», чем толкать его на крайности, могущие спровоцировать вооруженный конфликт.

Со своей стороны Хрущев, выступая в Лейпциге 5 марта с. г., заявил, что срок коммунистического ультиматума относительно передачи властям «ГДР» полного контроля над коммуникациями Западного Берлина, истекающий 27 мая, может быть продлен. А 19 марта, выступая на прессконференции, Хрущев дал согласие на встречу министров иностранных дел и перестал настаивать на непосредственном созыве совещания глав правительств. Во время прессконференции дело обошлось без неожиданной и любопытной импровизации Хрущева, проливающей свет на советские цели в Берлине. По мнению Хрущева, войска Америки, Англии и Франции могут оставаться в Берлине, но тогда в Западном Берлине должны находиться и части Советской Армии. Резонно было бы, конечно, задать Хрущеву вопрос: не согласился бы он на началах взаимности впустить западных союзников и в Восточный Берлин?

Так, несмотря на некоторые сдвиги в позициях свободного и коммунистического миров, основные противоречия остаются неизменными.

Коммунистическое руководство желает вытеснить западных союзников из Берлина, а зеодно добиться международного признания как коммунистического правительства, насильно навязанного населению Восточной Германии, так и советизации стран Восточной Европы.

Западные демократии желают разрешения общегерманской проблемы путем свободных общегерманских выборов, а если советское правительство по-прежнему не даст на это своего согласия, то Запад согласен на сохранение современного положения в Западном Берлине. Такая позиция тем более законна, что само население Западного Берлина, как уже указывалось, на выборах в декабре 1958 года ясно выразило свою волю и недвусмысленно сказало, чье присутствие ему желательно, а чье нет.

IV.

Рассмотрим теперь германский вопрос в свете общего международного положения.

Ни с точки зрения права, ни с точки зрения правды советская политика в отношении Германии не может быть оправданной. Тут легко натолкнуться на такое возражение: о каком «праве» и о какой «правде» можно говорить применительно к Германии, которая развязала вторую мировую войну, наделала столько бед и сама виновата в своих сегодняшних несчастьях?

На первый взгляд казалось бы веский довод, а в действительности? Можно ли судить почти семидесятимиллионный народ в преступлениях, учиненных его преступным правительством и кучкой не менее преступных оголтелых фанатиков и стяжателей? Конечно, нет. Если рассуждать таким образом, то надо было бы судить народы Советского Союза за преступления коммунистического руководства, за захват Восточной Европы или за кровавое подавление Венгерской революции. А это ведь очевидный абсурд!

К тому же, в чем виновато молодое поколение немцев, составляющее уже теперь треть населения страны? В чем виноваты будущие поколения? Не очевидно ли, что раскол Германии никак нельзя оправдать преступлениями нацистской клики во главе с Гитлером.

С другой стороны трудно предположить, что семидесятимиллионный народ вечно будет мириться с раздроблением своей родины. Раскол Германии представляет собой несомненную угрозу для мира в будущем.

Если бы ЦК КПСС руководствовался интересами страны, в которой он безраздельно господствует, а не насаждением коммунизма во всем мире, он давно понял бы, что объединенная и свободная Германия — неперемненное условие прочного мира в Европе. Но в том то и дело, что ЦК КПСС и его приспешники не национальное правительство России, а «передовой отряд» интернационального коммунизма. Хрущев так и заявил в своей речи 7 марта 1959 года в Лейпциге: «Я прежде всего — коммунист, член Коммунистической партии». Цели же коммунистов известны: всеми средствами добиться порабощения всех народов. Хрущев и этого не скрыл от своих слушателей в Лейпциге. Он сказал: «Как солнце ежедневно

восходит с востока, так и коммунизм неудержимо распространяется по земле». «Мы убеждены, что победим капитализм», — добавил он.

Ну как в таком случае разрешить самим немцам определить свою судьбу? Хрущев и ЦК КПСС прекрасно понимают, что если они согласятся на объединение Германии на принципах мира и свободы, то от коммунистических ставленников в Восточной Германии на следующий же день после свободных выборов не останется и следа!

Напротив, сохранение раскола Германии и спекуляция на национальных чувствах немцев могут привести к обострению положения в стране, чем не приминут воспользоваться коммунисты для развязывания гражданской войны с помощью Советского Союза, как это уже было продемонстрировано в Вьетнаме и Корее.

Правда, Хрущев и коммунистическое руководство СССР неустанно говорят о мире, о «демилитаризации» и «разоружении». Но что они под этим подразумевают? В Западной Германии они хотели бы добиться того же положения, на каком настаивают в Берлине: уход войск НАТО с территории ФРГ и удаление из руководства свободной части Германии всех могущих оказать сопротивление коммунизму. «Демилитаризованная» по такому рецепту Западная Германия стала бы легкой добычей для коммунистов.

Но германский вопрос это только «частный вопрос» в том конфликте, который сознательно навязало руководство КПСС всему человечеству. Хрущев так прямо и сказал в Лейпциге: «Германская проблема при всей ее важности является частным вопросом». «Основные вопросы современности» для Хрущева и КПСС это — «вопрос о коммунизме, о социализме, вопрос мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем».

Предположим, что это так. В отношении значения для мира вопроса о коммунизме и социализме — спорить с Хрущевым не будем: действительно, угроза коммунистической агрессии является в наши дни основным вопросом, волнующим человечество. Но вот в отношении «мирного сосуществования» возражать Хрущеву можно и нужно.

Одним из условий подлинного мирного сосуществования является всеобщее разоружение. ЦК КПСС и советская пропаганда неустанно твердит о необходимости разоружения. Но

каждый раз, как дело доходит до всестороннего международного контроля над предполагаемым разоружением, руководство КПСС заявляет: «нам шпионов не надо, шпионов мы в Советский Союз не допустим!» Спрашивается, где же логика? Почему западные державы согласны допустить к себе советских контролеров, а советское руководство не желает допустить к себе представителей контрольных органов западных держав? Не очевидно ли, что коммунистическое руководство хочет добиться от Запада разоружения, а самому тайно продолжать вооружаться для «последнего и решительного» боя. О каком всеобщем разоружении может вообще идти речь, если не будет дано согласие на всесторонний международный контроль?

Не иначе обстоит дело и с тем «мирным сосуществованием», которого требует Хрущев. На XX съезде КПСС Хрущев прямо заявил, что «идеологическое сосуществование» немислимо. А ведь это значит, что коммунистическое руководство хотело бы, чтобы Запад прекратил свое сопротивление коммунизму, в то время как коммунисты продолжали бы безнаказанно вести свою пропаганду и подрывную деятельность.

В наше время, когда и у США, и у СССР есть термоядерное оружие, мирное сосуществование в прямом понимании этого слова, а не так, как понимает его коммунистическое руководство, — т. е. как средство безнаказанного политического вторжения в свободный мир, — не только желательно, как оно было, есть и будет желательным во взаимоотношениях между народами, но и совершенно необходимо для сохранения жизни на земле. Однако, мирное сосуществование требует, прежде всего, уважения прав соседа и отказа от попыток угрожать ему и вмешиваться в его внутренние дела при всяком удобном и неудобном случае.

Между тем, только в течение истекшего 1958 года Хрущев неоднократно вмешивался во внутренние дела западных демократий и даже грозил им термоядерными бомбами и ракетами. Он грозил ими Турции, якобы собиравшейся напасть на Сирию, — Турция нападение и не думала. А если бы и думала, то разве не преступление развязывать термоядерную войну из-за конфликта двух второстепенных государств? Ведь Организация Объединенных Наций для того и существует, чтобы улаживать подобные конфликты.

Хрущев также разразился угрозами развязать термоядер-

ную войну, когда по призыву законных правительств Ливана и Иордании туда прибыли войска США и Англии. К счастью, ближневосточный кризис закончился без Хрущевских ракет — резолюцией арабских государств, принятой на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, кстати, не осуждавшей ни США, ни Англии.

Не успел ближневосточный кризис затихнуть, как союзник Хрущева — Мао Цзе-дун, пользуясь советскими пушками и самолетами, начал обстрел островов в Тайваньском проливе. Дальневосточный кризис продолжается, а Хрущев уже вызвал новый, пожалуй, самый опасный — Берлинский кризис.

Что бы сказали советские граждане, если бы Америка угрожала СССР атомными бомбами, когда советские войска подавляли венгерскую революцию? Или если бы США, Англия и Франция, обвинив с полным основанием руководство КПСС в нарушении межсоюзных соглашений, потребовали бы вывода советских войск из тех частей Восточной Германии, которые были переданы советскому командованию американскими войсками в 1945 году?

Как известно, западные демократии ни разу не позволили себе того, что так часто позволяет себе Хрущев.

До сих пор все обходилось благополучно. Но по поводу Западного Берлина ЦК КПСС предупрежден, что на силу западные демократии ответят силой.

Уже из перечисления этих фактов, а тем более, если учесть все вышесказанное, очевидно, что вопрос о Западном Берлине и германская проблема для руководства КПСС только этапы их наступления на свободный мир с целью постепенной его советизации, путем нахождения слабых мест, путем угроз и вымогательства. Очевидно, что если Запад уступит в Берлине, он только ободрит коммунистов, усилит их аппетит и будет способствовать не делу мира, а делу войны и захвата свободных стран коммунистическим руководством.

Не пора ли обуздать, пока не поздно, Хрущева, непрестанно разжигающего международные кризисы и играющего с опасностью войны?

На XXI съезде партии Хрущев обещал догнать и перегнать Америку по целому ряду отраслей производства. Так пусть же он выполняет обещания, данные им народу и оставит в покое:

американские, английские и французские войска в Западном Берлине;
неудобную ему Турцию;
неудобного ему шаха в Иране и
совсем уже неудобного коммунистам Чан Кай-ши на Тайване.

От такого благоразумия наш народ только выиграет. Будет меньше танков, но зато больше мяса, масла и обуви.

Verlag: Z O P E
München 2, Gaiglstraße 25
Deutschland — Germany

Издакие Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)